

*Леониду Теракопяну –
любимому критику писателя*

Евгений Пермяк

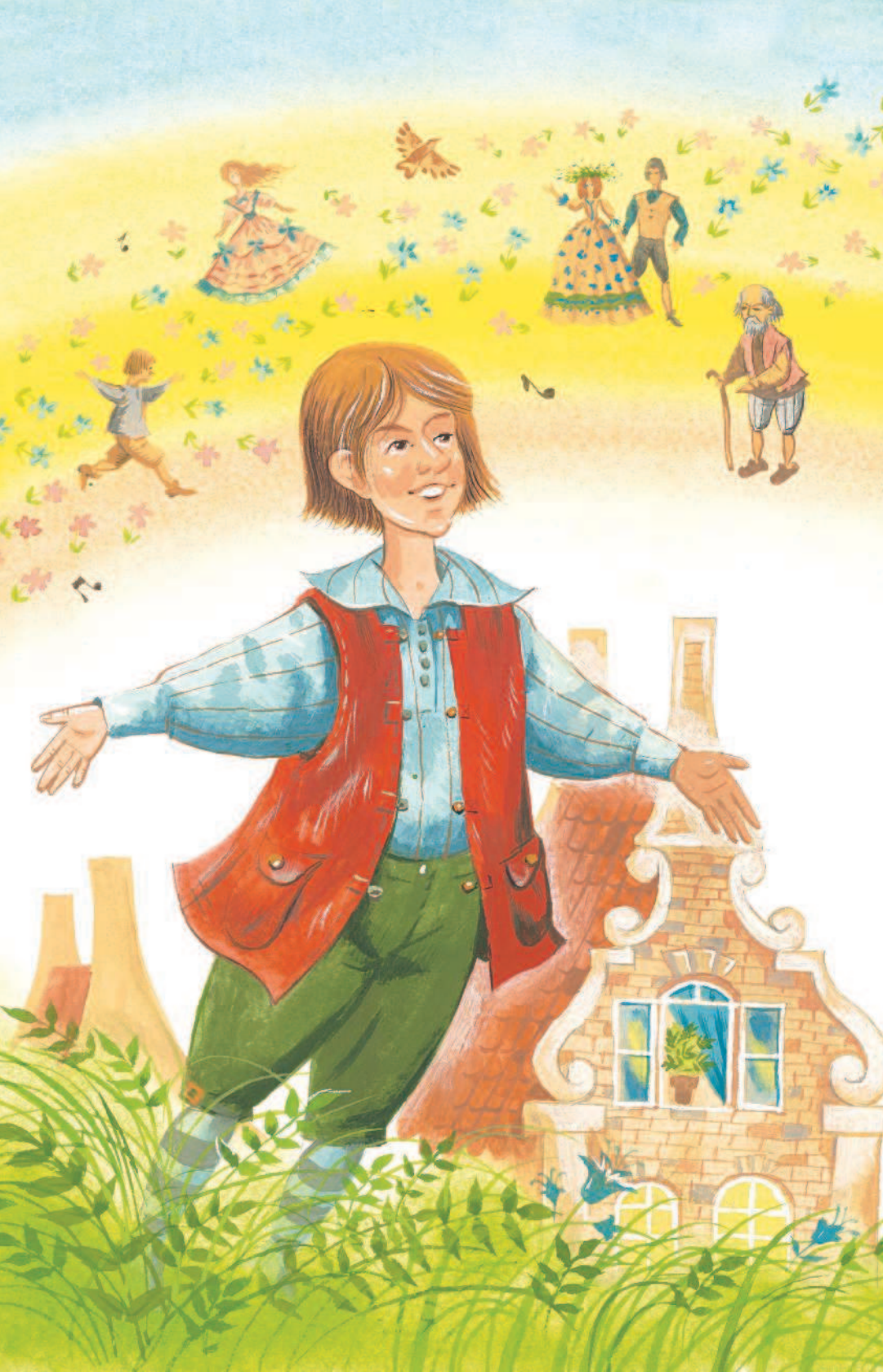
ВОЛШЕБНЫЕ КРАСКИ

Иллюстрации Игоря Панкова

#эксмодетство

Москва
2017

На все цвета радуги

На свете жил чудесный певец. Он пел не только задушевно, искренне, от всего сердца, но и красочно — на все цвета радуги.

Его разноцветные песни были так хороши, что вскоре он стал самым любимым народным певцом.

Между тем певец не был счастлив...

Он не был счастлив потому, что ему ни разу не удалось спеть такую песню, которая бы понравилась всем. Всем без исключения.

Когда он пел розовую песню с весенне-зелёным отливом и алмазно-росяными искорками, его затаив дыхание слушали все юноши и все девушки. А старики проходили мимо. Вдыхая, они считали весеннюю песню то слишком розовой, то чрезмерно зелёной.

Когда же певец пел алую песню с синей каймой раздумья и серебристыми прожилками мудрости, тогда все люди средних лет распахивали настежь окна своих душ и двери своих сердец. Зато малолетки не обращали на эту песню никакого внимания. Потому что они любили песни ярких цветов и чёткой раскраски. Игривые. Узорчатые. Даже клетчатые. И для них приходилось петь особо,

как и для стариков. Этим нравились песни строгих расцветок и глубоких колеров.

Разные песни оценивались различно людьми не только по их возрасту, но и по характеру. Весельчаки любили канареечно-жёлтые, лихо-малиновые и пунцовые песни. Угрюмым нравились песни тёмно-коричневых и вишнёво-лиловых тонов. Ветреные и легкомысленные люди обожали песни любого цвета, лишь бы они были пестры и нарядны...

До седых волос певец добивался такой песни, которая бы полюбилась всем. И старым, и малым. Жизнерадостным и печальным. Задумчивым и бездумным. Из его светлой души вылетали звонкие жар-птицы изумительной красоты звучания. Ими любовались тысячи людей, но каждый раз находились такие ценители, которые выискивали в песне изъяны. Более того — они глумились над нею и даже втапывали её в грязь.

Наконец это стало невыносимым, и певец перестал петь.

— Значит, я плохо пел, коли не сумел заставить полюбить всех хотя бы одну мою песню, — жаловался на себя, на свой голос певец.

Он жаловался так громко и так жестоко казнил свои песни, что его услышало солнце. Услышав, оно ласково улыбнулось с высоты и осветило певца золотыми лучами.

— Мой названный брат, — сказала солнце, — тысячи лет я раскрашиваю землю в неисчислимые цвета и оттенки, а угодить на всех не могу. Потому что каждому нравится своё. И это очень хорошо.

— Что же в этом хорошего?! — негодуя, воскликнул певец.

— Милый мой! Если бы всем нравилось одно и то же, тогда бы остановилась жизнь в однообразии вкусов, в тождест-

ве чувств, в ограниченности стремлений. Тогда бы тебе незачем было искать новые песни, а мне — каждый день по-новому всходить.

Так сказало солнце, окрашивая своей живительной улыбкой в тысячи тысяч цветов и оттенков нашу землю.

От этого на душе певца стало светло и радостно. Ему захотелось походить на солнце. И он снова запел свои песни на все цвета радуги.

И очень хорошо. Какая кому нравится, тот ту и слушай. И если из сотен его песен кому-то понравится только одна, — значит, певец не зря прожил жизнь, не зря вдохновлялся солнцем.

Пастух и Скрипка

Она родилась в мастерской деревенского столяра, большого любителя музыки. Её красота удивляла даже больших мастеров скрипичных инструментов. Говорят, что столяр вдунул в неё свою душу и она от этого стала звучать как живая.

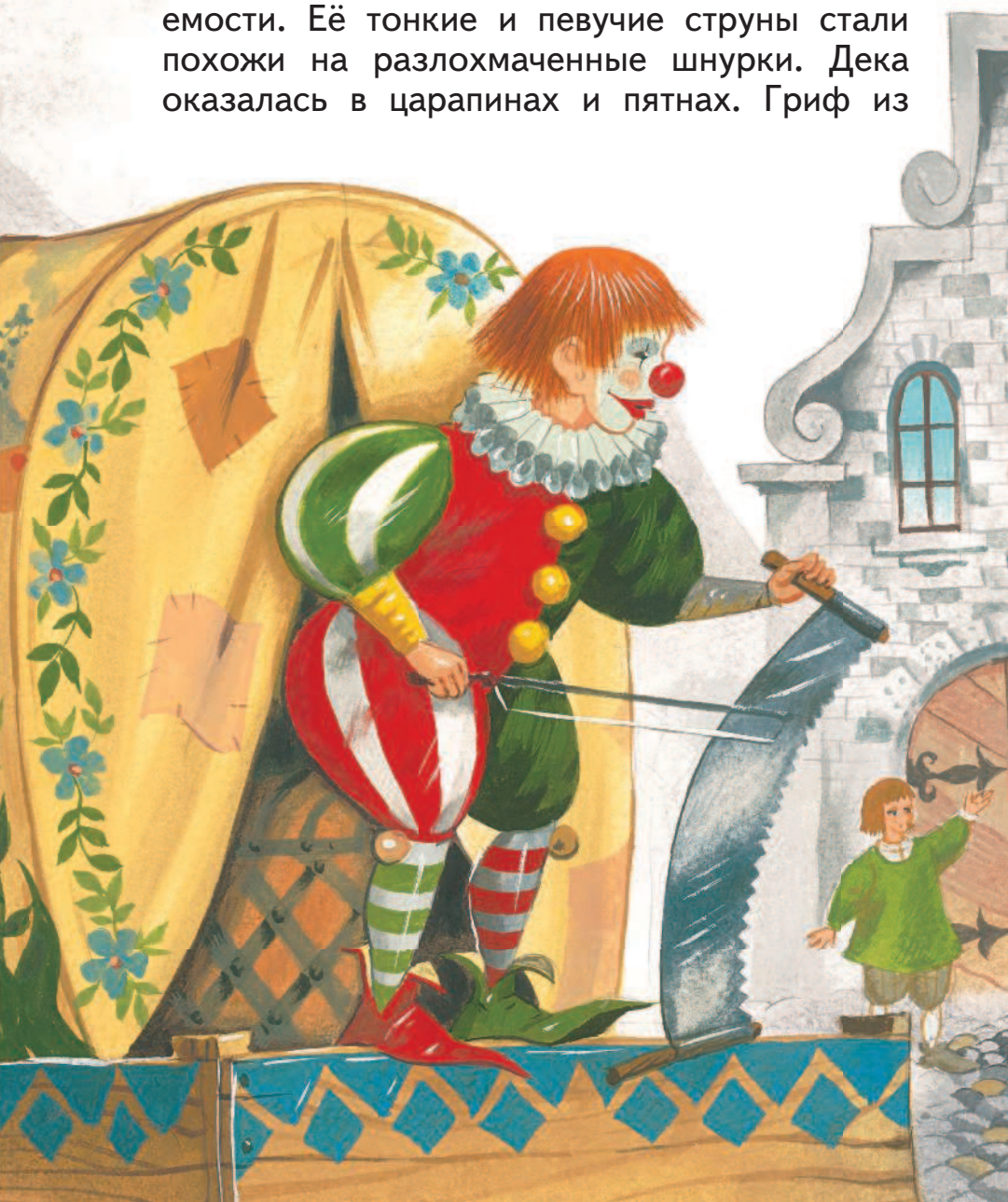
Всякий проходивший мимо дома столяра останавливался, когда она пела о солнце и небе, о лесе и говорливых ручейках, золотистых полях и цветении садов родной чешской деревни.

Слушая её, умолкали певчие птицы. Только один из лучших соловьёв округи отважился иногда вторить ей своей песней. А досталась она Ослу, который притворился музыкантом.

Осёл, выбившись в подмастерья, завладел после смерти одинокого столяра всем его имуществом и этой прекрасной Скрипкой.

Это было ужасно. Играя на Скрипке собачьи вальсы, конские галопы и ослиные рапсодии, он довёл Скрипку до неузнаваемости. Её тонкие и певучие струны стали похожи на разлохмаченные шнурки. Дека оказалась в царапинах и пятнах. Гриф из

чёрного превратился в серый. Ослабли расшатанные колки. Он уже играл на ней, как на балалайке, доламывая последнее.

Однажды в бродячем балагане Осёл увидел клоуна, игравшего смычком на пиле. То сгибая, то разгибая пилу, клоун добивался подобия мелодии, производившей на некоторых, в том числе на Осле, неотразимое впечатление.

Вскоре Осёл приобрёл у клоуна пилу, а Скрипку забросил на чердак. Теперь ей оставалось только пылиться, слушать в долгие зимние ночи плачущий вой ветра в трубе, а в осенние дни сыреть, расклеиваться и приходиться в окончательную негодность.

Нельзя без слёз и горькой обиды рассказывать о несчастной Скрипке. Оскорблённая и униженная, она переживала каждый звук, доносившийся на чердак через слуховое окно. В ней находили отзвук песня жаворонка, тонкий свист синицы и далёкая причудливая игра Пастуха на самодельной дудке.

